

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

УДК 343.9:328.185

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.89-100>

И. А. МОИСЕЕВА¹

¹Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

ИНДЕКС ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СТЕПЕНИ КОРРУМПИРОВАННОСТИ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ И МИРЕ

Моисеева Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, зам. декана юридического факультета, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
Адрес: 230000, Республика Беларусь, г. Гродно, пер. Доватора, 3/1, тел.: +375- 44-704-80-48
E-mail: moiseeva.irochka@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2890-2789>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/S-2478-2017>

Цель: оценка методики анализа коррупции на основе индекса восприятия коррупции.

Методы: при проведении исследования автором применялся такой социологический метод, как невключенное (простое) наблюдение, методы экспертных оценок и анализа документов, группировки и сводки; вычисления обобщающих показателей; анализа; экономико-математические и статистические приемы.

Результаты: индекс восприятия коррупции, как и любой другой из имеющихся в арсенале науки методов изучения коррупции, не может быть принят за универсальный показатель ее измерения. Он не соответствует требованиям надежности измерений: менялось количество источников данных и стран, включаемых в индекс; появлялись новые опросы, а проведение некоторых исследований прекращалось; в методологию расчета вносились изменения. Поэтому единственным надежным способом сравнения является сопоставление данных по определенному государству из одного и того же конкретного источника в течение определенного периода времени. Вместе с тем автор считает, что мониторинг изменения данного показателя в отдельно взятом государстве может иметь значение для оценки реализации этим государством задач по улучшению инвестиционного климата.

Научная новизна: несмотря на многочисленные исследования отдельных аспектов противодействия коррупции, в науке продолжается поиск универсального метода оценки эффективности этой борьбы. На основе изученных автором данных дана количественная социолого-статистическая оценка степени эффективности антикоррупционных мероприятий в Республике Беларусь и странах, соседствующих с ней. В статье также обосновано предложение о том, что индекс противодействия коррупции должен быть разработан и для стран, близких по стандартам ведения бизнеса, с общим пониманием национальных интересов и методов их достижения, а именно стран Таможенного союза, стран СНГ, стран БРИКС и ШОС.

Практическая значимость: положения и выводы проведенного автором исследования могут быть использованы органами государственной власти и управления, общественными организациями в работе по формированию и реализации государственной антикоррупционной политики, а также в научной и педагогической деятельности при изучении методов противодействия коррупции.

Ключевые слова: уголовное право и криминология; коррупция; борьба с коррупцией; противодействие коррупции; уровень коррупции; подкуп; взяточничество; должностные лица; мониторинг коррупции

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Моисеева И. А. Индекс восприятия коррупции как показатель степени коррумпированности в отдельно взятой стране и мире // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 1. С. 89–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.89-100>

I. A. MOISEEVA¹

¹ Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

CORRUPTION PERCEPTION INDEX AS AN INDICATOR OF THE LEVEL OF CORRUPTION IN AN INDIVIDUAL COUNTRY AND THE WORLD

Irina A. Moiseeva, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Deputy Dean of Law Faculty, Yanka Kupala State University of Grodno

Address: 3/1 Dovatora per., 230000 Grodno, Republic of Belarus, tel.: +375-44-704-80-48

E-mail: moiseeva.irochka@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2890-2789>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/S-2478-2017>

Objective: to evaluate the methodology of corruption analysis based on the corruption perception index.

Methods: the author used such sociological method as non-participant (simple) observation, methods of expert assessments and analysis of documents, grouping and summarizing; calculation of generalizing indicators; analysis; economic-mathematical and statistical techniques.

Results: the corruption perception index, like any other method of studying corruption available in science, cannot be recognized as a universal indicator of its measurement. It does not meet the requirements of measurement reliability: the number of data sources and countries included in the index changed; new surveys emerged and some studies were discontinued; changes to the calculation methodology were made. Therefore, the only reliable technique is to compare the data on a particular state from the same specific source over a period of time. However, the author believes that the monitoring of changes of this indicator in a particular state may be important for assessing the achievement of the state's tasks aimed at improving the investment climate.

Scientific novelty: despite numerous studies of certain aspects of anti-corruption, the search for a universal method for evaluating the effectiveness of this struggle continues. Basing on the data studied by the author, a quantitative sociological-statistical assessment of the effectiveness of anti-corruption measures in the Republic of Belarus and neighboring countries is given. The article also substantiates the proposal to develop the anti-corruption index for the countries which are similar in the standards of doing business and a common understanding of national interests and methods of achieving them, namely the Customs Union, CIS, BRICS and SCO countries.

Practical significance: the provisions and conclusions of the research can be used by the state authorities and public organizations for the formation and implementation of the state anti-corruption policy, as well as in scientific and educational activities for the study of methods of struggling against corruption.

Keywords: Criminal law and criminology; Corruption; Struggle against corruption; corruption counteraction; Level of corruption; Subornation; Bribery; Officials; Monitoring of corruption

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Moiseeva I. A. Corruption perception index as an indicator of the level of corruption in an individual country and the world, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 1, pp. 89–100 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.89-100>

Введение

Постановка проблемы. Если понимать под коррупцией как социальным явлением не только подкуп и взяточничество, а любое злоупотребление государственной властью с целью получения личной выгоды [1], то можно утверждать, что, как только возник управленческий аппарат, общество столкнулось с коррупцией. Еще Шарль Монтескье писал, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, пока не достигнет положенного ему предела [2].

Ни у кого не возникает сомнений, что коррупция представляет серьезную опасность для общества, поражая все сферы общественной жизни. Коррупция является «многогранным феноменом», который так глубоко укоренен в современном обществе, что отчасти рассматривается как нормальное явление [3, р. 1]. В частности, экономисты выделяют отдельные понятия «коррупционный налог» [4–7] или «рентоориентированное поведение» [8–10].

Хотя эмпирические данные исследования показывают, что более коррумпированные страны, как правило, имеют более низкие уровни развития человеческого потенциала [11, р. 46; 12]. Кроме того, доказано, что высокий уровень коррумпированности неизбежно вызывает неравенство в доходах и бедность [13]. Д. Кауфман считает, что одной из основных причин мирового финансового кризиса в 2008 г. стала коррупция, в частности, лоббирование финансовыми титанами заниженных стандартов резервирования активов [14].

Сложность изучения коррупции как явления в обществе заключается в том, что она имеет глубоко латентный характер. Невозможно изучить коррупцию на основе только статистических данных: во-первых, официальная статистика не в полной мере отражает истинное положение дел; во-вторых, такие данные будут характеризовать в первую очередь качество работы правоохранительных органов или СМИ по выявлению фактов коррупции; в-третьих, статистические данные дают нам представления не о коррупции, а о коррупционной преступности, и понятия эти не тождественны (коррупционная преступность – это лишь часть коррупции, хотя и самая общественно опасная).

Необходимость проведения исследования. Коррупция была и остается одной из глобальных проблем современности. Нет государств без коррупции

(хотя Сингапuru практически удалось искоренить коррупцию как социальное явление), но ее уровень в разных странах существенно различается. Все эти факторы дают право говорить об актуальности представленной темы и необходимости постоянных мониторинговых исследований коррупционных проявлений в обществе.

Эффективность противодействия государствам коррупции находится в фокусе множества исследований в последние годы. Оценка эффективности в значительной степени осложнена тем фактом, что в зависимости от государства, его истории, традиций, национального менталитета и культурных особенностей масштабы ее проявления могут разительно отличаться. Все это также осложняется тем, что частота и объемы коррупционных преступлений (правонарушений) могут отличаться в зависимости от конкретного уровня общественных отношений (бытовой, коммерческий, государственный и т. п.; многим государствам удалось сократить, например, количество коррупционных преступлений на бытовом уровне или на уровне государственных учреждений по обслуживанию населения, однако при этом коррупция может процветать в высших эшелонах власти). Таким образом коррупция для разных государств разнится существенно, и создание агрегированного индекса, учитывающего всю многоплановость и многогранность данного феномена, является попыткой привести уровень эффективности борьбы с коррупцией со стороны государств к одному знаменателю.

В частности, оценка эффективности противодействия государствам коррупции с помощью Индекса восприятия коррупции закономерно вызывает научный интерес исследователей. Вместе с тем очевидно, что при всей многогранности явления и методов противодействия ему авторы высказывают и критические замечания. Многие авторы позитивно оценивают важность данного индекса для исследований в области коррупции, воспринимая его как барометр текущего уровня коррупции для конкретного государства и мира в целом [15–17]. Критики, например, О. Г. Савчишкина [18], Н. Б. Капитонова и Н. В. Тумаланов [19] указывают на то обстоятельство, что Индекс восприятия коррупции не является универсальным показателем. Ошибочным инструментом считает Индекс восприятия коррупции Transparency

International* (CPI) и Уильям Де Мария [20]¹, обосновывая свое мнение тем обстоятельством, что он не учитывает культурные отличия стран и ориентирован только на бизнес-климат.

Анас Алква, Аззуз Зуауи и Мунира Бен Араб [22] провели анализ изменения индекса восприятия коррупции в странах за период с 2000 по 2014 гг. и обнаружили, что страны с низким и высоким показателем индекса менее изменчивы с точки зрения восприятия коррупции, а страны со средним рейтингом относительно стабильны с данной точки зрения.

Методы исследования. При проведении исследования применялись социологические методы: не включенное (простое) наблюдение; методы экспертных оценок и анализа документов, группировки и сводки; вычисления обобщающих показателей; анализа; экономико-математические и статистические приемы.

Результаты исследования

Предпринимаемые попытки исследователей создать универсальную методику, основанную на математических вычислениях, трудновыполнимы. Это объясняется тем, что коррупционные проявления, во-первых, не могут быть достоверно измерены; во-вторых, имеют количественные (состояние и динамика) и качественные (структура и характер) характеристики, и невозможно перевести эти качественные характеристики в цифровое выражение. С. В. Поляков называет причины, которые затрудняют оценку динамики коррупционности страны, региона или отдельной территории. По его мнению, существует множество показателей, характеризующих коррупционность; кроме того, трудно поддаются учету все факторы, влияющие на показатели коррупции, а также влияние этих факторов различно как по силе, так и по направлению [23, с. 24].

По этим причинам широкое распространение получили социологические исследования коррупции, основанные на опросах и экспертных оценках. Выделяют два их типа [24, с. 88]:

1. Исследования, в которых коррупция является основным объектом изучения (например, исследо-

вания Transparency International по составлению индексов восприятия коррупции, о котором и пойдет речь далее).

2. Исследования, в которых коррупция выступает одной из составляющих «непрозрачности» и экономической свободы в отдельно взятом государстве.

Transparency International – международная некоммерческая и неправительственная организация, созданная в 1993 г. Она занимается исследованиями коррупции. Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI, ИБК) рассчитывается Transparency International с 1995 г. Индекс восприятия коррупции – это ежегодный показатель, основанный одновременно на социологических исследованиях и оценках экспертов. Он проводится в более чем 175 странах мира международными организациями и институтами, в том числе Всемирным банком, Всемирным экономическим форумом, Азиатским и Африканским банками развития. Основой при расчете Индекса восприятия коррупции стало предположение о том, что сочетание источников информации (не менее трех для каждой страны, включенной в Индекс), объединенных в единый показатель, увеличивает его надежность. Для оценки уровня коррупции опрашиваются предприниматели и аналитики (как резиденты, так и иностранцы), проживающие в исследуемой стране. Таким образом, уровень коррупции в определенном государстве оценивается с разных точек зрения: граждан страны (взгляд «изнутри») и иностранных граждан (взгляд «извне»). Ранжирование стран происходит по десятибалльной шкале. 10 баллов означает отсутствие коррупции, а 0 баллов – очень высокую ее степень. Страны оцениваются по четырем показателям: 1) взаимодействие бизнеса с властью; 2) антикоррупционное законодательство; 3) общественный контроль и контроль СМИ (причем, по мнению некоторых исследователей, средства массовой информации могут являться одним из самостоятельных источников измерения Индекса восприятия коррупции [25]); 4) прозрачность деятельности госорганов.

Проследим, каким образом ранжировались страны в Индексе восприятия коррупции за последние 10 лет (с 2007 по 2016 гг.). Так, например, Республика Беларусь в 2008 г. занимала 151-е место из 180 в рейтинге Индекса восприятия коррупции. В 2007 г. –

* Признана нежелательной организацией в РФ с 21.03.2023 / Recognized as an undesirable organization in the Russian Federation as of 21.03.2023.

¹ Также подчеркивает культурный аспект различий между государствами М. А. Батищева [21].

150-е место [26]. Россия в 2008 г. заняла 147-е место², в 2007 г. – 143-е³.

В 2009–2010 гг. Республика Беларусь заняла уже 127-е место [27] (+24 позиции к 2008 г.). Первое место в 2009 г. досталось Дании, Новой Зеландии и Сингапуру. Сомали заняла последнюю, 178-ю строчку в списке. Польша получила в Индексе 41-е место, Литва – 46-е, Латвия – 59-е, Украина – 134-е, Россия – 154-е (-8 позиций к предыдущему году).

В 2011 г. Индекс восприятия коррупции охватил уже 183 страны. Наивысшие места в нем заняли Новая Зеландия, Дания и Финляндия. Самые коррумпированные страны – Сомали и Северная Корея. Республика Беларусь была на 143-м месте. Эту позицию с ней разделили Азербайджан и Российская Федерация⁴.

В 2012–2013 гг. Республика Беларусь заняла 123-е место (+4 к 2009 г.), в 2014 г. – 119-е место (еще +4 позиции)⁵. Россия в 2012 г. заняла 133-е место в рейтинге⁶ (+10 позиций к 2011 г.), в 2013 г. – 127-е место⁷ (+6 позиций к 2012 г.), в 2014 г. – 136-е⁸ (-7 позиций к 2013 г.). Среди соседей Республики Беларусь в 2014 г. лучшие показатели у Польши (35-е место), Литвы (39-е место) и Латвии (43-е место).

² Индекс восприятия коррупции – 2008: Россия на 147 месте // Transparency International the global coalition against corruption.

³ Индекс восприятия коррупции – 2007: Россия на 143 месте // Transparency International the global coalition against corruption.

⁴ Transparency international: индекс восприятия коррупции 2011 года // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/02/3750> (дата обращения: 01.12.2017).

⁵ Независимые исследования показывают, что Беларусь и Армения – наименее коррумпированные страны в ЕАЭС // Sputnik Беларусь. URL: <https://sputnik.by/society/20160127/1019786020.html> (дата обращения: 11.11.2017).

⁶ Transparency international: индекс восприятия коррупции 2012 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/12/05/5198> (дата обращения: 01.12.2017).

⁷ Transparency international: индекс восприятия коррупции 2013 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/12/03/6442> (дата обращения: 25.11.2017).

⁸ Transparency international: индекс восприятия коррупции 2014 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/12/03/7004> (дата обращения: 01.12.2017).

Украина в 2014 г. была на 142-й позиции, Казахстан – на 126-м месте.

Лидерами рейтинга в 2014 г. стали: Дания, Новая Зеландия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Швейцария, Сингапур, Нидерланды, Люксембург и Канада. Внизу списка оказались Северная Корея и Сомали⁹.

В 2015 г. Республика Беларусь была на 107-м месте (+12 позиций к 2014 г.). Россия заняла 119-ю позицию (+17 позиций к 2014 г.), Украина – 130-ю. Среди членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) лучшее положение в рейтинге у Армении – 95-е место, у Казахстана и Киргизии – 123-я позиция¹⁰.

В 2016 г. Индекс восприятия коррупции показал, что 69 % из 176 стран имеют значение менее 5, что говорит о достаточно высоком уровне коррупции во всем мире. Так, И. Алон, Ш. Ли и Ю. Ву пишут: «...если мы рассмотрим карту мира, основанную на Индексе восприятия коррупции, разработанном Transparency International, которая использует разные оттенки красного, чтобы указать уровень коррупции (более темный красный цвет указывает на более высокий уровень коррупции), мы обнаруживаем, что большая часть мира затенена темно-красным цветом. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что многие страны сильно заражены коррупцией, что влияет на жизнь миллиардов» [28, р. 350].

Республика Беларусь заняла в 2016 г. 79-е место в рейтинге (+28 позиций к 2015 г.). Среди 19 стран Восточной Европы и Средней Азии Беларусь заняла 5-е место, уступив Турции, Сербии, Черногории и Грузии. Россия заняла 131-е место (-12 позиций к 2015 г.). Наименее коррумпированные государства: Дания, Новая Зеландия, Финляндия и Швеция¹¹.

Таким образом, с 2007 по 2016 гг. Республике Беларусь удалось подняться в рейтинге стран в Индексе восприятия коррупции на 71 позицию, Польше – на 32, Литве – на 13, Российской Федерации – на 12 и Латвии – на 7; Украина опустилась на 12 позиций (табл.).

⁹ Беларусь заняла 119 место в мировом рейтинге восприятия коррупции // Тут Бай Медиа. URL: <https://news.tut.by/society/426347.html> (дата обращения: 19.11.2017).

¹⁰ Transparency International: уровень коррупции в Беларуси снижается // Sputnik Беларусь. URL: <http://news.21.by/society/2016/01/27/1158693.html> (дата обращения: 08.12.2017).

¹¹ Индекс восприятия коррупции – 2016: положение России не изменилось // Transparency International the global coalition against corruption.

Как видим, единственная страна среди стран – соседей Республики Беларусь может похвастаться устойчивыми показателями улучшения в ранжировании стран по Индексу восприятия коррупции – Польша. В Польше после вступления в ЕС в 2004 г. были внедрены европейские стандарты в правовую систему: сформирована прозрачная система госзаказов; сокращено число отраслей, в которых требуется получение разрешений; чиновников обязали представлять общественности декларации о доходах и имуществе. В 2006 г. в Польше была создана независимая от местных силовых структур организация – Центральное антикоррупционное бюро (СВА). Глава СВА может быть избран на четырехлетний срок только дважды.

На протяжении последних шести лет (2011–2016 гг.) наблюдается постоянный рост показателя Республики Беларусь: +64 позиции (с 143-го места

в 2011 г. на 79-е в 2016 г.). Это достаточно серьезный для государства шаг вперед, обусловленный предпринимаемыми мерами по снижению уровня коррупции. На сегодняшний день в Республике Беларусь организация борьбы с коррупцией систематизирована.

В частности, разработаны и постоянно совершенствуются нормативные правовые акты, в которых определены базовые понятия: «коррупция», «коррупционные правонарушения», «правонарушения, создающие условия для коррупции»; регламентированы права и обязанности государственных органов, иных организаций и граждан в сфере борьбы с коррупцией; установлена ответственность за коррупционные проявления; закреплён порядок устранения последствий коррупции. За историю суверенной Республики Беларусь с момента провозглашения независимости в 1991 г. было принято четыре закона о борьбе с кор-

**Ранжирование Республики Беларусь и стран, соседствующих с ней,
в Индексе восприятия коррупции с 2007 по 2016 гг.***

**Ranking the Republic of Belarus and the neighboring countries
in the Corruption Perception Index from 2007 to 2016***

Страна / Country	Год / Year									
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Польша / Poland	61	58 (+3)	49 (+9)	41 (+8)	41	41	38 (+3)	35 (+3)	30 (+5)	29 (+1)
Литва / Lithuania	51	58 (-7)	52 (+6)	46 (+6)	50 (-4)	54 (-4)	43 (+11)	39 (+4)	32 (+7)	38 (-6)
Латвия / Latvia	51	52 (-1)	56 (-4)	59 (-3)	61 (-2)	48 (+13)	49 (-1)	43 (+6)	40 (+3)	44 (-4)
Беларусь / Belarus	150	151 (-1)	127 (+24)	127	143 (-16)	123 (+20)	123	119 (+4)	107 (+12)	79 (+28)
Россия / Russia	143	147 (-4)	146 (+1)	154 (-8)	143 (+11)	133 (+10)	127 (+6)	136 (-9)	119 (+17)	131 (-12)
Украина / Ukraine	118	134 (-16)	146 (-12)	134 (+12)	152 (-18)	144 (+8)	144	142 (+2)	130 (+12)	131 (-1)

* *Источник:* составлено автором на основе данных интернет-источников¹².

* *Source:* compiled by the author with the data of Internet sources.

¹² Индекс восприятия коррупции – 2008: Россия на 147 месте // Transparency International the global coalition against corruption; Индекс восприятия коррупции – 2007: Россия на 143 месте // Transparency International the global coalition against corruption; Transparency international: индекс восприятия коррупции 2011 года // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/02/3750> (дата обращения: 01.12.2017); Независимые исследования показывают, что Беларусь и Армения – наименее коррумпированные страны в ЕАЭС // Sputnik Беларусь. URL: <https://sputnik.by/society/20160127/1019786020.html> (дата обращения: 11.11.2017); Transparency international: индекс восприятия коррупции 2012 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/12/05/5198> (дата обращения: 01.12.2017); Transparency international: индекс восприятия коррупции 2013 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/12/03/6442> (дата обращения: 25.11.2017); Transparency international: индекс восприятия коррупции 2014 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/12/03/7004> (дата обращения: 01.12.2017); Беларусь заняла 119 место в мировом рейтинге восприятия коррупции // Тут Бай Медиа. URL: <https://news.tut.by/society/426347.html> (дата обращения: 19.11.2017); Transparency International: уровень коррупции в Беларуси снижается // Sputnik Беларусь. URL: <http://news.21.by/society/2016/01/27/1158693.html> (дата обращения: 08.12.2017); Индекс восприятия коррупции – 2016: положение России не изменилось // Transparency International the global coalition against corruption.

рупцией. На сегодняшний день базовой составляющей антикоррупционного законодательства является Закон Республики Беларусь № 305-З «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015¹³, который вступил в силу с 24 января 2016 г. Впервые на постсоветском пространстве Республика Беларусь приступила к проведению криминологической экспертизы проектов законов¹⁴.

В России и на Украине в отличие от Беларуси нет стабильной тенденции к улучшению. Показатели хаотичны на протяжении 10 лет (с 2007 по 2016 гг.), что видно на рисунке ниже.

Справедливости ради следует отметить, что нельзя ожидать, что Индекс восприятия коррупции в отдельно взятой стране может сделать ярко выраженный скачок (в лучшую или худшую сторону) за короткий промежуток времени, что подтверждают приведенные выше данные таблицы и рисунка. Еще Э. Ферри в 1908 г. доказал, что колебания цифры преступности не могут превысить 10 % [29]. Как подчеркивает С. М. Иншаков, эти положения не мешало бы иметь в виду современным политикам, которые «вынашивают планы расправиться с преступностью в течение ста дней» [30].

В научном мире идет дискуссия о том, что именно измеряет Индекс восприятия коррупции и насколько точно он отражает действительную «коррупционную картину» в том или ином государстве [31] (например, исследование Д. Дончева и Г. Уджели (2014), которые считают, что Индекс восприятия коррупции измеряет само восприятие коррупции, а не уровень коррумпированности) [32].

Следует отметить, что включение в Индекс не является показателем наличия коррупции в стране, а зависит лишь от доступности соответствующих данных. Индекс восприятия коррупции – это оценка уровня восприятия административной и политической коррупции, а не приговор о коррумпированности целых наций и сообществ. Этот показатель не касается вопросов, связанных с международной деятельностью и внешней политикой, проводимой тем или иным государством. Общественность стран, набравших наименьшее количество баллов Индекса восприятия коррупции, демонстрирует такую же степень озабоченности проблемами противодействия коррупции и неприятия ее, что и общественность государств с более высокими показателями¹⁵.

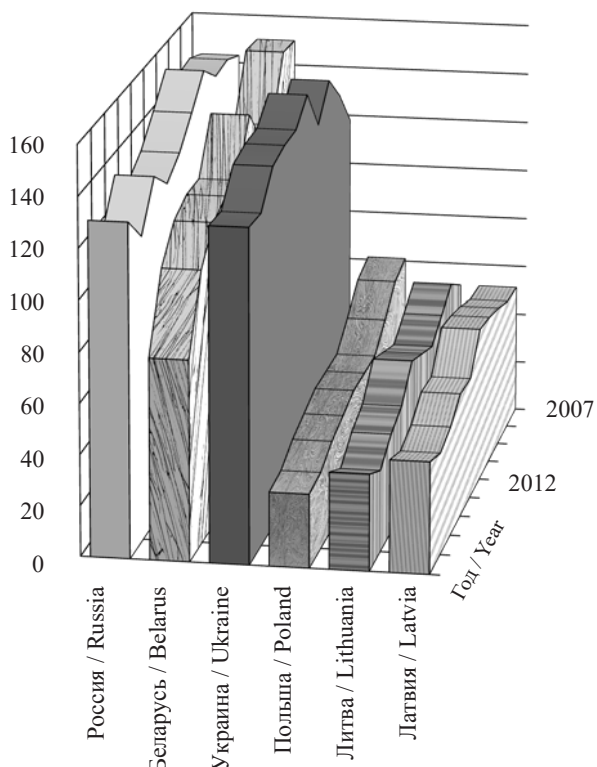
Индексу восприятия коррупции свойственна определенная доля погрешности по причине того, что он основан на опросе людей, пусть даже авторитетных и опытных. Люди пытаются быть объективными, но в действительности эта трудноосуществимая для них задача, так как объективность как качество существует само по себе и не зависит от чьей-либо оценки и (или) личного суждения. Это такое качество, которое нельзя оспорить, так как оно основывается на постоянных величинах, какими ни в коей мере нельзя считать опросы и экспертные оценки группы людей, отличающихся мировоззрением и личностным восприятием существующей действительности. Объективность как качество постоянна, ее нельзя изменить по желанию человека (или группы лиц), в ее основе лежит неоспоримость фактов или событий. В этом и заключается отличие законов природы от законов общественной жизни: законы природы нельзя нарушить, они объективны по существу своему. Субъективная же информация, в противовес объективной, создается субъектом, т. е. физическим лицом. Конечно, информация, полученная от большого числа компетентных лиц, обладает меньшей степенью субъективности, но по существу она все равно остается таковой.

Более того, существуют национальные особенности восприятия людьми определенных общественных проявлений, в том числе и коррупционных. Еще одна

¹³ О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

¹⁴ О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 января 2000 г. № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017; О криминологической экспертизе: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г. № 244: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017; О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы: Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г. № 230: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 17.07.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

¹⁵ Индекс восприятия коррупции за 2010 г. // Transparency International the global coalition against corruption.

Индекс восприятия коррупции в Республике Беларусь и странах, соседствующих с ней, за период с 2007 по 2016 гг.*
Corruption Perception Index in the Republic of Belarus and the neighboring countries from 2007 to 2016*

* *Источник:* составлено автором на основе данных интернет-источников¹⁶.

* *Source:* compiled by the author with the data of Internet sources.

¹⁶ Индекс восприятия коррупции – 2008: Россия на 147 месте // Transparency International the global coalition against corruption; Индекс восприятия коррупции – 2007: Россия на 143 месте // Transparency International the global coalition against corruption; Transparency international: индекс восприятия коррупции 2011 года // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/02/3750> (дата обращения: 01.12.2017); Независимые исследования показывают, что Беларусь и Армения – наименее коррумпированные страны в ЕАЭС // Sputnik Беларусь. URL: <https://sputnik.by/society/20160127/1019786020.html> (дата обращения: 11.11.2017); Transparency international: индекс восприятия коррупции 2012 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/12/05/5198> (дата обращения: 01.12.2017); Transparency international: индекс восприятия коррупции 2013 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/12/03/6442> (дата обращения: 25.11.2017); Transparency international: индекс восприятия коррупции 2014 года // Transparency International the global coalition against corruption. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/12/03/7004> (дата обращения: 01.12.2017); Беларусь заняла 119 место в мировом рейтинге восприятия коррупции // Тут Бай Медиа. URL: <https://news.tut.by/society/426347.html> (дата обращения: 19.11.2017); Transparency International: уровень коррупции в Беларуси снижается // Sputnik Беларусь. URL: <http://news.21.by/society/2016/01/27/1158693.html> (дата обращения: 08.12.2017); Индекс восприятия коррупции – 2016: положение России не изменилось // Transparency International the global coalition against corruption.

причина, по которой не удается вывести универсальный показатель, который позволил бы сравнить государства между собой, – то обстоятельство, что социологи, юристы и криминологи разных государств имеют различные позиции относительно того, что представляет собой коррупция. Например, К. Старк, Н. Кёбис и К. Брандт выделяют различные формы коррупции: «Большая коррупция» описывает коррупцию на высоком уровне администрации (например, политиков), а «мелкая коррупция» относится к довольно распространенным коррупционным правонарушениям (например, подкуп сотрудника полиции) [33]. Более того, еще в 1979 г. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН, определил, что именно национальное право определяет, что понимать под коррупцией¹⁷. Различен и перечень деяний, который законодательства стран относят к коррупционным.

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день приходится констатировать тот факт, что, к сожалению, нет источников информации о коррупции, которые удовлетворяли бы требованию межстрановой сопоставимости. Индекс восприятия коррупции не может использоваться в качестве абсолютно точного инструмента анализа и сравнения, так как он рассчитывается на базе меняющегося набора источников данных: менялось количество источников данных и стран, включаемых в Индекс; появлялись новые опросы, а проведение некоторых исследований прекращалось. Более того, в методологию расчета Индекса восприятия коррупции вносились изменения. Поэтому единственным надежным способом сравнения является сопоставление данных по определенному государству из одного и того же конкретного источника в течение определенного периода времени.

А. А. Килячков, Л. А. Чалдаева и А. Г. Терехова [34] отмечают, что мониторинг государств по Индексу восприятия коррупции отражает интересы транснациональных корпораций и помогает им оценить риск

реализации бизнес-идей в определенной стране. Полагаем, что все же не следует сбрасывать со счетов его значимость, так как мониторинг изменения данного показателя в отдельно взятом государстве может иметь значение для оценки реализации этим государством задач по улучшению инвестиционного климата (кстати, одной из наиболее насущных проблем для Республики Беларусь в настоящее время). Однако С. В. Сильченко-ва [35] справедливо отмечает, что методология расчета Индекса восприятия коррупции не полностью разработана и постоянно совершенствуется; какой-либо формулы для расчета данного показателя не приводится. Поэтому задачи в этом направлении – устранить очерченные выше противоречия.

Борьба с коррупцией не сводится только к обеспечению благоприятного бизнес-климата в том или ином государстве. Человек должен иметь возможность беспрепятственно реализовывать и защищать права и свободы, гарантированные действующим национальным законодательством. Поэтому автор разделяет мнение авторов [34, 36], предлагающих ввести национальный индекс, который будет характеризовать принимаемые государством реальные меры противодействия коррупции, а не бизнес-климат. Эта система обеспечит как информационные основы принятия решений, так и оценку эффективности и результативности их реализации. Действительно, в тех странах, где власть и общество могли получать информацию о реальной ситуации с коррупцией в стране, удавалось сформулировать реальные цели антикоррупционной политики и получить положительные сдвиги в ограничении масштабов коррупции.

Автор также считает разумным предложение о том, что индекс противодействия коррупции должен быть разработан и для стран, близких по стандартам ведения бизнеса, с общим пониманием национальных интересов и методов их достижения, а именно стран Таможенного союза, стран СНГ, стран БРИКС и ШОС [34].

Таким образом, мы полагаем, что противодействие коррупции должно строиться на принципах развития (должен осуществляться постоянный мониторинг антикоррупционных мер) и системности (должны использоваться все методы в воздействии на нее, так как исторический опыт показывает, что упор только на один из методов или на узкую группу мер не ведет к достижению поставленных целей, а если эти цели и достигаются, то на кратковременный период).

¹⁷ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года // Веб-сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 05.12.2017).

Список литературы

1. Лунеев В. В. Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 81.
2. Монтескье Ш. Избранные сочинения. М., 1955. 803 с.
3. Arnone M., Borlini L.-S. Corruption: Economic Analysis and International Law // Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2014. 630 p.
4. Петров А. А. Коррупция – вечный спутник и структурный элемент государственности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 4 (20). С. 110–119.
5. Митрофанова И. В. Стратегическое программирование развития макрорегиона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНИ РАН, 2009. С. 19.
6. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. Неформальный сектор в России: динамика, структура, детерминанты // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 1 / отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 444–458.
7. Ткаченко Е. Г. Неформальные детерминанты теневого сектора экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 3. С. 25–28.
8. Даниленко Л. Н. Феномен рентоориентированного поведения в институциональном аспекте // Мир России. Социология. Этнология. 2013. № 3. С. 35–59.
9. Клейнер Г. Б. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. № 4. С. 84–88.
10. Клейнер Г. Б., Петросян Д. С., Беченов А. Г. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 24.
11. Akçay S. Corruption and human development // Cato Journal. 2006. Vol. 26. Pp. 29–48.
12. Mo P. H. Corruption and Economic Growth // Journal of Comparative Economics. 2001. Vol. 29, Is. 1. Pp. 66–79. DOI: 10.1006/jcec.2000.1703
13. Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. Does corruption affect income inequality and poverty? // Economics of governance. 2002. Vol. 3. Is. 1. Pp. 23–45. DOI: 10.1007/s101010100039
14. Kaufmann D. Corruption and The Global Financial Crisis. URL: <http://www.forbes.com/20Q9/Q1/27/corruption-financial-crisis-business-corruptionQ9 Q127corruption.html> (дата обращения: 01.12.2017).
15. Шаронина Л. В. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. № 3. С. 83–88.
16. Федотова М. А. Коррупционные риски и их регулирование на примере фармацевтических компаний // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 4. С. 140–144.
17. Латов Ю. В., Наумов Ю. Г. Целевой индикатор и показатели российской антикоррупционной стратегии // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 2. С. 64–71.
18. Савчишкина О. Г. Индекс восприятия коррупции Транспаренси Интернешнл // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. № 7–4. С. 144–146.
19. Капитонова Н. Б., Тумаланов Н. В. Индекс восприятия коррупции – показатель уровня коррупции // Актуальные проблемы экономической теории и региональной экономики. 2014. № 3 (15). С. 51–54.
20. William De Maria. Measurements and markets: Deconstructing the corruption perception index // International Journal of Public Sector Management. 2008. Vol. 21. № 7. DOI: 10.1108/09513550810904569
21. Батищева М. А. Служебные разоблачения в сфере государственной службы // Вестник МГИМО. 2014. № 3 (36). С. 195–205.
22. Anas Alqudah, Azzouz Zouaoui, Mounira Ben Arab. World Corruption Perception Index Analysis // Research Journal of Finance and Accounting. 2017. Vol. 8, № 24. Pp. 85–91.
23. Поляков С. В. Прогнозирование изменения показателя индекса восприятия коррупции в России // Ученые записки. 2017. Т. 1, № 21. С. 5.
24. Шедий М. В. Сравнительные исследования и индикаторы распространения коррупции в современном мире // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 88–98.
25. Corruption Cases Mapping Based on Indonesia's Corruption Perception Index / M. Noerlina, L. A. Wulandhari, Sasmoko, A. M. Muqsith, M. Alamsyah // Journal of Physics Conference Series. 2017. Vol. 801 (1). Pp. 012–019. DOI: 10.1088/1742-6596/801/1/012019
26. Коровенкова Т. Беларуси присвоили высокий индекс «восприятия коррупции» // БелаПАН. URL: <https://news.tut.by/society/117763.html> (дата обращения: 04.12.2017).
27. Казанец, А. Беларусь заняла 127-е место в коррупционном рейтинге Transparency International* // БелаПАН. URL: <https://news.tut.by/society/202753.html> (дата обращения: 05.12.2017).

28. Alon I., Li S., Wu J. Corruption, regime type, and economic growth // *Public Finance & Management*. 2016. № 16 (4). Pp. 332–361.
29. Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. 665 с.
30. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М.: ИНФРА М–НОРМА, 1997. 383 с.
31. Schwickerath A.-K., Varraich A., Smith L.-L. How to research corruption? Conference Proceedings Interdisciplinary Corruption Research Forum June 2016 Amsterdam // *Interdisciplinary corruption research network*. 2017. June. Pp. 7–8.
32. Donchev D., Ujhelyi G. What Do Corruption Indices Measure? // *Economics & Politics*. 2014. Vol. 26, Is. 2. Pp. 309–331. DOI: 10.1111/epo.12037
33. Starke C., Brandt C., Köbis N. C. The Role of social norms in corruption research. URL: <https://europeanstudentthinktank.com/2016/01/11/therole-of-social-norms-in-corruption-research> (дата обращения: 01.12.2017).
34. Килячков А. А., Чалдаева Л. А., Терехова А. Г. Анализ методики определения индекса восприятия коррупции на примере Российской Федерации // *Аудит*. 2016. № 3. С. 23–30.
35. Сильченкова С. В. Масштабы коррупции и индекс ее восприятия // *Современные научные исследования и инновации*. 2014. № 9–1 (41). С. 165–168.
36. Квон Д. А. Индекс восприятия коррупции: оценка методологии // *Власть*. 2015. № 6. С. 72–76.

References

1. Luneev V. V. Corruption, registered and actual, *Gosudarstvo i pravo*, 1996, No. 8, p. 81 (in Russ.).
2. Montes'k'e Sh. *Selected works*, Moscow, 1955, 803 p. (in Russ.).
3. Arnone M., Borlini L.-S. *Corruption: Economic Analysis and International Law*, Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2014, 630 p.
4. Petrov A. A. Corruption – an eternal satellite and structural element of the statehood, *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 2016, No. 4 (20), pp. 110–119 (in Russ.).
5. Mitrofanova I. V. *Strategic programming of a macro-region development*, Rostov-on-Don: Izd-vo YuNI RAN, 2009, p. 19 (in Russ.).
6. Gimpel'son V. E., Zudina A. A. Informal sector in Russia: dynamics, structure, determinants, *12th International scientific conference on the issues of economy and society development*: in 4 books. Moscow: NIU VShE, 2012. Kn. 1, pp. 444–458 (in Russ.).
7. Tkachenko E. G. Informal determinants of the shadow sector of economy, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2013, No. 3, pp. 25–28 (in Russ.).
8. Danilenko L. N. Phenomenon of rent-oriented behavior in institutional aspect, *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2013, No. 3, pp. 35–59 (in Russ.).
9. Kleiner G. B. Modern economy of Russia as “the economy of physical persons”, *Voprosy ekonomiki*, 1996, No. 4, pp. 84–88 (in Russ.).
10. Kleiner G. B., Petrosyan D. C., Bechenov A. G. Once again on the role of state and state sector in the economy, *Voprosy ekonomiki*, 2004, No. 4, p. 24 (in Russ.).
11. Akçay S. Corruption and human development, *Cato Journal*, 2006, vol. 26, pp. 29–48.
12. Mo P. H. Corruption and Economic Growth, *Journal of Comparative Economics*, 2001, vol. 29, is. 1, pp. 66–79. DOI: 10.1006/jceec.2000.1703
13. Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. Does corruption affect income inequality and poverty?, *Economics of governance*, 2002, vol. 3, is. 1, pp. 23–45. DOI: 10.1007/s101010100039
14. Kaufmann D. *Corruption and The Global Financial Crisis*, available at: <http://www.forbes.com/20Q9/Q1/27/corruption-financial-crisis-business-corruptionQ9 Q127corruption.html> (access date: 01.12.2017).
15. Sharonina L. V. State policy of counteraction to corruption and shadow economy in Russia, *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*, 2009, No. 3, pp. 83–88 (in Russ.).
16. Fedotova M. A. Corruption risks and their regulation by the example of pharmaceutical companies, *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2013, No. 4, pp. 140–144 (in Russ.).
17. Latov Yu. V., Naumov Yu. G. Target indicator and indices of the Russian anti-corruption strategy, *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2012, No. 2, pp. 64–71 (in Russ.).
18. Savchishkina O. G. Corruption perception index by Transparency International*, *Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke*, 2015, No. 7–4, pp. 144–146 (in Russ.).

19. Kapitonova N. B., Tumalanov N. V. Corruption perception index - indicator of the level of corruption, *Aktual'nye problemy ekonomicheskoi teorii i regional'noi ekonomiki*, 2014, No. 3 (15), pp. 51–54 (in Russ.).
20. William De Maria. Measurements and markets: Deconstructing the corruption perception index, *International Journal of Public Sector Management*, 2008, vol. 21, No. 7. DOI: 10.1108/09513550810904569
21. Batishcheva M. A. Official exposures in the sphere of state service, *Vestnik MGIMO*, 2014, No. 3 (36), pp. 195–205 (in Russ.).
22. Anas Alqudah, Azzouz Zouaoui, Mounira Ben Arab. World Corruption Perception Index Analysis, *Research Journal of Finance and Accounting*, 2017, vol. 8, No. 24, pp. 85–91.
23. Polyakov S. V. Predicting the changes in the Corruption Perception Index in Russia, *Uchenye zapiski*, 2017, vol. 1, No. 21, p. 5 (in Russ.).
24. Shedii M. V. Comparative research and indicators of corruption distribution in the modern world, *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2010, No. 2, pp. 88–98 (in Russ.).
25. Noerlina M., Wulandhari L. A., Sasmoko, Muqsith A. M., Alamsyah M. Corruption Cases Mapping Based on Indonesia's Corruption Perception Index, *Journal of Physics Conference Series*, 2017, vol. 801 (1), pp. 012–019. DOI: 10.1088/1742-6596/801/1/012019
26. Korovenkova T. Belarus was assigned a high Corruption Perception Index, *BelaPAN*, available at: <https://news.tut.by/society/117763.html> (access date: 04.12.2017) (in Russ.).
27. Kazanets, A. Belarus ranked 127 in the corruption rating by Transparency International*, *BelaPAN*, available: <https://news.tut.by/society/202753.html> (access date: 05.12.2017) (in Russ.).
28. Alon I., Li S., Wu J. Corruption, regime type, and economic growth, *Public Finance & Management*, 2016, No. 16 (4), pp. 332–361.
29. Ferri E. *Criminal sociology*, Moscow, 1908, 665 p. (in Russ.).
30. Inshakov S. M. *Foreign criminology*, Moscow: INFRA M–NORMA, 1997, 383 p. (in Russ.).
31. Schwickerath A.-K., Varraich A., Smith L.-L. How to research corruption? *Conference Proceedings Interdisciplinary Corruption Research Forum June 2016 Amsterdam, Interdisciplinary corruption research network*, 2017, June, pp. 7–8.
32. Donchev D., Ujhelyi G. What Do Corruption Indices Measure?, *Economics & Politics*, 2014, vol. 26, is. 2, pp. 309–331. DOI: 10.1111/ecpo.12037
33. Starke C., Brandt C., Köbis N. C. *The Role of social norms in corruption research*, available at: <https://europeanstudentthinktank.com/2016/01/11/therole-of-social-norms-in-corruption-research> (access date: 01.12.2017).
34. Kilyachkov A. A., Chaldaeva L. A., Terekhova A. G. Analysis of the methodology of measuring the Corruption Perception Index by the example of the Russian Federation, *Audit*, 2016, No. 3, pp. 23–30 (in Russ.).
35. Sil'chenkova S. V. Scale of corruption and Corruption Perception Index, *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, 2014, No. 9–1 (41), pp. 165–168 (in Russ.).
36. Kvon D. A. Corruption Perception Index: evaluating the methodology, *Vlast'*, 2015, No. 6, pp. 72–76 (in Russ.).

* Признана нежелательной организацией в РФ с 21.03.2023 / Recognized as an undesirable organization in the Russian Federation as of 21.03.2023.

Дата поступления / Received 11.01.2018

Дата принятия в печать / Accepted 11.03.2018

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2018

© Моисеева И. А., 2018

© Moiseeva I. A., 2018